

возникают серьезные затруднения при источниковедческом анализе; часто в высшей степени проблематичным становится определение изначальных данных и первоначального источника. Следует отметить также известную разницу между геометрически-математической и дискриптивной, ориентированной на итинерарии и периплы, географической традицией.

Рецензируемое исследование – это знаковая книга, и И.В. Пьянков вновь подтвердил свое особое положение среди лучших знатоков древней истории и исторической географии Средней Азии и соседних областей. Достижением исследователя является то, что он представил работу, которая значительно расширяет наши знания о Средней Азии в античной географической традиции. И.В. Пьянкову замечательно удалось достичь цели, поставленной им самим в монографии. Мои критические замечания ничуть не умаляют научной ценности рецензируемой книги. Заслуга автора состоит также в том, что он привел трудный для систематизации материал в ясную, понятную и прекрасно структурированную форму*.

Марек Ольбрыхт

© 2003 г.

CATHERINE MORGAN. *Isthmia: Excavations by the University of Chicago under the Auspices of the American School of Classical Studies at Athens*. V. VIII. The Late Bronze Age Settlement and Early Iron Age Sanctuary. Princeton, 1999 (The American School of Classical Studies at Athens). XIII + 526 p., 103 figs., 74 pls., 6 tables, 6 plans

Рецензируемый VIII том, посвященный святилищу Посейдона в Истмии, является последним, но не завершающим в серии публикаций материалов этого памятника¹. В предисловии (с. VII–VIII), написанном Элизабет Гебхард, директором раскопок в Истмии, проводимых университетом Чикаго², дается краткая история систематических раскопок начиная с 1952 г. – с момента локализации архаического храма Посейдона и до 1989 г. (последний год раскопок, материалы также включены в данную работу).

Том разделен на три части: I. «Материальные свидетельства», II. «Анализ» и III. «Интерпретация». Первая часть включает «Введение» (I, 1, с. 3–34), где оговорена структура тома и дана краткая характеристика каждой части. В его рамках представлена серия очерков. Первый, посвященный изучению геологии Истмийского плато, написан К.Л. Хэйуордом (с. 3–14) и представляет некоторую сложность в понимании для неспециалиста в области геологии, поскольку изобилует техническими терминами. Основной вывод автора сводится к тому, что геологическая структура центрального плато типична для всей Коринфии и что отсутствие соответствия между ориентацией храма по линии восток–запад и первоначальными естественными контурами плато еще раз свидетельствует в пользу намеренной ориентации постройки, а не продиктованной природными условиями (с. 14).

Второй, очень краткий очерк, знакомящий читателя с топографией Истмийского плато (с. 15), и третий, посвященный истории археологических комплексов вокруг центрального плато (с. 16–18), – написаны Э. Гебхард. Для удобства история святилища представлена в виде последовательно сменяющих друг друга эпизодов, в основу которых положен материал раскопок центрального святилища и театра (заполнение колодцев, цистерн и других резервуаров не включено). Таких эпизодов насчитывается семь, их продолжительность варьируется от 60 до 230 лет в зависимости от хода событий. Эпизод I (ок. 700/740 – 450 г. до н.э.) и VII (середина II – начало III в. н.э.) связаны со строительством, расширением святилища в архаическое время и время Антонинов. Эпизоды II (ок. 470/450 – 390 г. до н.э.), III (конец IV – начало III в. до н.э.), VI (ок. 80/100 – середина II в. н.э.) связаны с сооружением и реконструкцией храмов Посейдона, Палемона и театра. Около 470/450 г. до н.э. в результате пожара

* Перевод с немецкого Д.П. Кикотя.

¹ Предыдущие тома были посвящены исследованиям и публикации других материалов раскопок: том I (1971 г.) «Храм Посейдона»; т. II (1973 г.) «Топография и архитектура»; т. III (1977 г.) «Керамические светильники»; т. IV (1987 г.) «Скульптура-I; 1952–1967 гг.»; т. V (1993 г.) «Крепость Эксампилион»; т. VI (1996 г.) «Скульптура-II: мраморная скульптура; 1967–1980 гг.»; т. VII (1997 г.) «Металлические изделия. 1952–1989 гг.».

² До нее раскопками руководили О. Бронир в 1952–1967 гг. и П. Клемент в 1967–1976 гг.

был полностью уничтожен первоначальный архаический храм, а менее чем через сто лет от пожара пострадал построенный на его месте классический храм. Эпизод III охватывает период строительства храма, северных и восточных ворот, нового стадия в юго-восточной долине. VI эпизод – продолжение восстановления храма, сооружение вокруг теменоса стены и появление цистерны для приношений (Pit B) около храма Палемона. Во время, соотносимое с IV (начало III в. до н.э. – 146 г. до н.э.) и V (ок. 146 г. до н.э. – 50/80 г. н.э.) эпизодами, деятельность в основном сводится к работам по восстановлению главного храма и строительству дороги Коринф – Истм. Именно во время, охватываемое этими эпизодами, произошли разрушение и разграбление святилища (первое – ок. 200 г. до н.э., второе – ок. 146 г. до н.э., когда был сожжен Коринф, а Истмийские игры переданы в ведение сикионцев). Лишь в период начиная приблизительно с 50 г. н.э. возобновляется деятельность святилища, о чем свидетельствует появление цистерны для жертвоприношений (цистерна I), а также повышение уровня северного и восточного участков теменоса.

Следующий очерк «Введения» (с. 19–29) принадлежит перу К. Морган. Он содержит краткий обзор целей и предмета исследований каждой главы, хронологический экскурс и основные принципы подачи материала конца бронзового и раннего железного веков, найденного на территории Истмийского святилища. Подробно останавливаясь на вопросе абсолютной хронологии, который до сих пор остается дискуссионным, автор приводит сводную хронологическую таблицу, в которой учитывается «высокая» и «низкая» хронология, и отмечает, что истмийский материал не может внести ясности в этот вопрос из-за практически полного отсутствия закрытых комплексов. Сама К. Морган отдает предпочтение «высокой» хронологии с учетом радиоуглеродной калибровки (с. 21). Очерк завершают планы (с. 30–34): основных археологических памятников на территории святилища Посейдона, раскопок в 1952–1980 гг., раскопок храма Посейдона, театра, поселения в Рахи.

Отмечается сложная стратиграфия памятника, как и у большинства греческих святилищ, очень малое число закрытых комплексов, а также смешанный характер материала. Публикуемые находки микенского времени и раннежелезного представлены в виде серии каталогов, куда включен весь материал за все годы раскопок, что несомненно очень ценно не только само по себе, но и поскольку часто материал из более ранних раскопок отбирался по разным принципам, которые не всегда последовательны и далеки от идеальных (так, например, кто-то использует просеивание грунта и собирает все, даже самые мелкие фрагменты, кто-то довольствуется лишь репрезентативными образцами форм и изделий). Поэтому такая полнота охвата материала вполне обоснована и дает возможность для более объективных заключений. Самая значительная категория найденных артефактов – это керамика обоих периодов. Каждый публикуемый фрагмент имеет подробное формализованное описание. К. Морган указывает, что она использует общепринятые в науке термины при классификации форм сосудов, описаниям оттенков и состава глины, покрытия сосуда (см. прим. на с. 26–29 с указанием на исследования, где разработана терминология описания керамики). Основное внимание первой части (гл. I, 2. «Керамика», с. 35–157) отводится публикации материалов, представленных в нескольких каталогах, которые прекрасно иллюстрированы: даны фотографии каждой вещи (табл. 1–64), прорисовки сохранившихся частей и восстановленные профили, описание и аналогии. Поскольку микенский и раннегеометрический материал невозможно представить по комплексам, за исключением находок раннежелезного века с территории Восточной террасы I (подробно исследованы в главе I, 7), то каталог керамических находок (начиная со среднеэлладского / позднеэлладского I периода) составлен по хронологическому принципу с учетом типологии, каталоги других артефактов – главным образом по типологическому. Всего исследовано и опубликовано 619 фрагментов керамики микенского времени и 490 – раннежелезного века. За каталогами следуют сводные таблицы распределения находок на территории святилища, а также таблицы, где представлены соединяющиеся между собой фрагменты.

Глава I, 3. «Изделия из металла» (с. 158–160), посвященная публикации изделий из металла: украшений (фибул, булавок, колец), чаш, треножников, фигурок животных, написана И. Раубичек. В главе I, 4. «Три ранних посвящения(?) предметов вооружения и оружия в Истмийское святилище» (с. 161–166) публикуются фрагменты двух шлемов: один типа «Kegelhelm», другой – типа не точно названного «иллирийским», оба типа бытовали в VIII в. до н.э.; автор данного раздела А. Джаксон считает, что скорее всего это греческие шлемы пелопоннесского производства (с. 161); среди посвящений был также бронзовый наконечник копья (возможно, итальянского производства, VIII в. до н.э.). Терракотовые фигурки (их 38: людей, быков, лошадок и т.д.) с эпохи бронзы до раннего железного века опубликованы в главе I, 5. «Мелкая пластика» (с. 167–176) Д. Миттенем и К. Морган.

Заключительные 6-я и 7-я главы I части посвящены характеристике функционирования святилища в конце эпохи бронзы и начале железного века в окрестностях теменоса. В главе I, 6. «Следы жизнедеятельности конца бронзового века в окрестностях теменоса» (с. 177–194), К. Морган делает попытку восстановить первоначальный контекст существования и функционирования исследуемого памятника в это время на основе топографического анализа и распределения материала. Автор отмечает, что ни один из фрагментов микенского времени на территории теменоса не был найден *in situ*, а также что нет надежно определяемых комплексов этого времени или относительно значительных скоплений микенского материала в более поздних комплексах (с. 177). Большинство фрагментов найдено в северо-западной части теменоса среди материала более поздних эпох, что может свидетельствовать о жизнедеятельности на территории памятника в микенское время лишь у северных границ святилища (с. 180). Находки микенского времени с территории театра, образуя изолированную группу, никак не связаны с находками на территории теменоса в рассматриваемое время. Что касается Восточного теменоса, то там, за исключением сектора «циклопической стены», следы самой ранней деятельности людей на территории Восточной террасы I относятся ко второй половине VIII в. до н. э. (с. 181). С участком, где располагались первоначальный храм архаического времени (ок. 690–650 гг. до н. э.) и «Длинный алтарь», никакой материал микенского времени не ассоциируется (с. 185). Большинство черепков микенского времени на территории Западного теменоса найдено в Большой круглой шахте колодца, который с конца V в. до н. э. перестал использоваться по назначению и стал заполняться мусором после расчистки и перепланировки территории (с. 186).

В главе I, 7. «Локализация хозяйственной деятельности в эпоху раннего железного века» (с. 195–227), принадлежащей перу Э. Гебхард, рассматриваются археологические находки в рамках территории позднего теменоса, но поскольку большая часть материала происходит из вторичных комплексов, использованных в различных строительных периодах на этой территории, то дается подробное описание поверхности плато и ее характерных особенностей, исследуется содержание этих вторичных комплексов и заполнений для выяснения возможного первоначального его места расположения. Материал этих комплексов представлен в виде каталога (с. 213–221), также дана таблица соединяющихся между собой фрагментов с указанием места их находки (с. 226–227). Автор приходит к выводу, что, вероятнее всего, восточная часть центрального плато и являлась местом первоначального скопления большинства керамических находок этого времени и, следовательно, той территорией, где была сосредоточена хозяйственная деятельность того времени (с. 195).

Часть II. «Анализ» (с. 231–346) представляет собой развернутый комментарий к части I, в ней исследуется проблема определения сущности деятельности на территории памятника и ее развитие начиная с эпохи бронзы. Глава «Керамика конца эпохи бронзы» (II, 1, с. 231–250) посвящена фиксации встречаемых форм керамики (фрагменты которых опубликованы в части I) и мотивам росписи для проведения последующего сравнения с памятниками как Коринфии, так и других регионов Греции. К. Морган использует истмийский материал, чтобы выяснить, какой вклад он может внести в решение проблемы общегреческого значения: можно ли говорить о непрерывности жизни при переходе от раннеэлладского к среднеэлладскому периоду. Истмийский материал свидетельствует о дисконтинуитете, который продолжался до перехода от среднеэлладского к позднеэлладскому периоду. Привлекая для сравнения материал из других раскопанных поселений Коринфии, К. Морган подчеркивает, что этот разрыв наиболее отчетливо фиксируется по данным археологии в Юго-Западной Коринфии, а поселения северной части области свидетельствуют о большей степени непрерывности в развитии (с. 231). Что касается мотивов росписи на фрагментах истмийской керамики микенского времени, то автор подчеркивает факт следования арголидским образцам (с. 232). Сравнивая материал разных поселений Коринфии автор отмечает, что импорт из Арголиды преобладает в поселениях юго-западной части области, а сильная местная традиция в керамическом производстве прослеживается в поселениях Северной Коринфии (с. 232).

Завершается глава обзором хронологических фаз, автор останавливается на появлении новых форм сосудов, характерных для каждой фазы, и отмечает их наличие или отсутствие среди керамических находок Истмии.

В главе «Переход от эпохи бронзы к железному веку» (II, 2, с. 251–260) основное внимание отводится выяснению сущности и относительной продолжительности этого переходного периода, чему в немалой степени способствует непрерывность имеющихся материальных свидетельств. К. Морган отмечает заметную скудость находок позднеэлладского III C периода по сравнению с позднеэлладским III B. Кроме того, автор указывает на более разнообразный ха-

рактиер материала раннежелезного века по сравнению с концом эпохи бронзы: керамика, изделия из металла, украшения, терракотовые статуэтки, что свидетельствует об изменении сущности деятельности на территории памятника. Отдельный параграф данной главы отведен обзору дискуссии по поводу сущности субмикенского периода (с. 254–258). Среди авторов до сих пор нет полного согласия в следующих вопросах: в каком отношении между собой находятся позднеэлладский III С стили Арголиды и Киклад и субмикенский стиль Аттики, является ли субмикенский стиль местным вариантом универсального позднеэлладского III С стили, если – да, то можно ли считать его поздней стадией этого универсального позднеэлладского III С стили. К. Морган принимает сторону В. Десборо, рассматривающего субмикенский стиль как универсальную постмикенскую фазу, которую можно обнаружить как в Аттике, так и в Арголиде, на Кикладах, в Беотии и на Эвбее (с. 252). Истмийский материал вписывается в общий контекст материала Коринфии, в котором с конца позднего протогеометрического периода заметно сильное влияние Аттики и появление значительного количества импорта из Аттики, что свидетельствует о сдвиге в традиционно ориентированных на Арголиду интересах в сторону Аттики в переходный период (с. 259). Эта глава, как и предыдущая, завершается общим обзором хронологических фаз в рамках рассматриваемого периода. Автор в вопросе абсолютной и относительной хронологии переходного периода следует за хронологией, установленной Н. Колдстримом, которая в общих чертах согласуется с хронологическими схемами для Аттики, Арголиды и Лаконии.

В главе «Керамика раннежелезного века» (II, 3, с. 261–294) продолжается разбор тем, затронутых в двух предыдущих главах. К. Морган отмечает, что керамика этого времени является редким примером непрерывности развития коринфской продукции с раннего протогеометрического времени вплоть до эпохи архаики, а также что керамика раннежелезного века предоставляет уникальную возможность исследования форм и стилей сосудов, использовавшихся в культовой практике на протяжении нескольких веков (с. 261). Автор подчеркивает, что подача материала конца VIII в. до н. э. сопряжена с большими трудностями частного порядка, а именно: сложным оказалось разделить материал на хронологические фазы и установить четкую границу с материалом архаической эпохи. Ранняя протокоринфская фаза характеризуется появлением ориентализирующих мотивов, тенденцией к миниатюрным формам (с. 284–285). Стилистическое деление между позднегеометрическим и ранним протокоринфским затронуло лишь часть всего керамического ансамбля, причем та, которая не является представительной в Истмии. Следуя основным направлениям развития святилища и керамического импорта, К. Морган сочла логичным завершить рассмотрение керамики ранним протокоринфским стилем.

И хотя в целом можно сказать, что истмийский материал не вносит значительных коррективов в существующие хронологические теории и теории смены стилей, тем не менее К. Морган использует его во всей полноте, чтобы решить проблемы более общего характера.

Глава «Сущность деятельности на территории памятника в конце эпохи бронзы и раннего железного века» (II, 4, с. 295–346) подводит итог всей второй части и представляет значительный интерес в плане рассмотрения наиболее дискутируемой среди ученых проблемы – проблемы преемственности / разрыва при переходе от эпохи бронзы к железному веку. Сначала К. Морган рассматривает все типы артефактов обоих периодов и ту информацию, которую можно из них извлечь о природе функционирования данного памятника в каждую из исследуемых эпох, чтобы затем перейти к обобщающим заключениям. К. Морган пытается ответить на такие вопросы, как: располагалось ли святилище железного века на месте более раннего, каков характер непрерывности (если таковая была) между материальными свидетельствами этих эпох, какие факторы говорят в пользу того, чтобы определить данный памятник как святилище или как поселение в рассматриваемые эпохи. В своем исследовании К. Морган вступает в полемику с К. Ренфрю по поводу выделенных им 18 признаков, которые характеризуют памятник как святилище³ (на с. 300 приведена таблица этих признаков из его работы). После детального разбора материала (находки эпохи поздней бронзы опубликованы в первой части) и сравнения его с признаками Ренфрю К. Морган отвергает эти признаки как неподходящие для Истмии. Поскольку и локализация святилища (нет особого преимущества в расположении), и типы сосудов (для Истмии характерен набор, встречающийся как на поселениях, так и в некрополях), и найденные фигурки типов «пси» и «фи» (они встречаются и в погребениях, и в святилищах, и на поселениях) и т.п. – все это, как вместе взятое, так и по отдельности, не позволяет однозначно определить памятник как святилище эпохи поздней бронзы

³ См. *Renfrew C. The Archaeology of Cult. L., 1985. P. 19–20.*

(с. 306–309). Если же применять все эти признаки формально (отмечая только их наличие и не учитывая, на каких еще типах памятников они встречаются) и считать, что в эпоху бронзы на территории истмийского плато было святилище, то придется и большую часть памятников микенской эпохи в Коринфии также считать святилищами (с. 314). Истмийский материал свидетельствует, что изучаемый памятник стал функционировать как святилище лишь к протогеометрическому периоду.

Итак, во второй части труда К. Морган были поставлены и решены принципиальные вопросы, связанные с определением характера жизнедеятельности на территории памятника, установлено время, когда он начал функционировать как святилище. Третья часть «Интерпретация» (с. 347–431) с четырьмя приложениями⁴ представляет критический обзор современных точек зрения по самым разнообразным вопросам истории Греции конца эпохи бронзы и раннего железного века, особое внимание уделено истории Истмии и Коринфии. Глава «Истмия и Коринфия в конце бронзового века» (III, 1, с. 347–367) посвящена сравнению материала Истмии и раскопанных памятников в Коринфии в указанное время. Поскольку детальное сравнение и основные выводы были сделаны раньше (главы I, 6; II, 2 и II, 3), то здесь они лишь повторены. Кроме этого, К. Морган рассматривает и некоторые вопросы, имеющие местное значение, например, время и причины сооружения на Истме так называемой «Микенской стены». В главе «Ранние этапы развития Истмийского святилища, ок. 1050–800 гг. до н.э.» (III, 2, с. 369–400) исследуются механизм трансформации в ритуальных системах и начало функционирования данного памятника в качестве святилища. Самый наглядный признак происходящих в этот период изменений – значительный рост приношений и большее их разнообразие (появляются предметы вооружения, некоторые типы украшений, треножники и т.п.). Также автор указывает на тот факт, что святилища раннежелезного века не имели никаких специально построенных храмов, а представляли собой площадки на открытом воздухе, где совершались жертвоприношения. В данной главе К. Морган исследует комплекс мифологических преданий фиванского круга о Меликерте–Палемоне, в честь которого справлялись погребальные игры в Истмии, и аттического круга о Тезее, как учредителе игр в благодарность за победу над Синисом. Исследуя данные мифологии, имеющие отношение к истмийской тематике, К. Морган не обошла своим вниманием и легенды о возвращении Гераклидов, поскольку они могут пролить свет на тот факт, что некоторые города Пелопоннеса говорили на общем, дорийском, диалекте, разделяли общие культы и пользовались общей культовой практикой и институтами. Автор считает рассуждения о дорийском вторжении скорее продуктом более позднего времени, чем непосредственным отражением ранних событий (с. 378).

В главе «Восьмой век» (III, 3, с. 401–429) довольно подробно характеризуется ключевой период в истории Греции, т.е. тот период, когда произошли количественные и качественные изменения, которые хорошо всем известны по научной литературе: зарождение полиса, значительный рост населения, алфавитное письмо, освоение новых технологий, покорение новых территорий и усаждение военных конфликтов из-за пограничных территорий, активная колонизационная деятельность и т.д. Поскольку в данной главе речь идет о событиях, менее удаленных от нас по времени и лучше документированных письменными источниками, то автор излагает версию этих событий, согласно установившейся в научной литературе традиции. Но так как затрагиваемый ею спектр вопросов очень широк, то не всегда удается адекватно изложить мнение некоторых своих предшественников, что, естественно, может случиться при

⁴ Приложение 1 «Остатки хозяйственной деятельности в конце бронзового века в окрестностях Истмийского плато» (с. 435–447). Находки микенского времени, отраженные в данном Приложении, происходят с поселения или ряда мелких разбросанных участков хозяйственной деятельности, расположенных вокруг плато, а также на территории Западного некрополя, вдоль насыпи позднего стадиона и в Рахи. Приложение 2 «Распределение некерамических находок» (с. 448–449). Приложение 3 «Распределение керамики раннего железного века» (с. 450–466). Поскольку данный материал, включая ранние посвящения, составляет обособленную группу свидетельств и сконцентрирован на территории Восточного теменоса и священного участка исторического святилища, то, как указывает К. Морган, существует большая вероятность того, что значительная часть этого материала относится к культовой деятельности, а его последующий разброс по всей территории теменоса стал результатом более поздней строительной активности на территории центрального святилища. Пространственная организация хозяйственной деятельности раннежелезного века и отражена в данном Приложении. Приложение 4 «Географический справочник мест, где зафиксированы следы хозяйственной деятельности в Коринфии конца эпохи бронзы и раннего железного века» (с. 467–479) является наиболее полным и представительным в исторической литературе в настоящее время.

таком объеме материала. Так, при передаче мнения Дж. Сэлмона по поводу толкования архаического коринфского законодательства К. Морган упоминает о «переделе земли» (с. 401), о чем совсем не говорит цитируемый ею автор⁵. Одной из причин появления ранних святилищ в приграничной зоне называются территориальные претензии Коринфа на пограничные территории. Так появились святилища в честь Геры в Перахоре и в честь Посейдона на западном краю Истма, рядом с главной дорогой, ведущей из Центральной Греции в Пелопоннес. Истмийское святилище быстро превращается в панэллинский центр, где справлялись игры в честь Посейдона, хотя еще в конце XI в. до н. э. оно было местом отправления культовых празднеств локального значения. Конец VIII столетия стал свидетелем кульминации активности Истмийского святилища, за которой последовал кратковременный период более ограниченной деятельности, продолжавшийся вплоть до сооружения архаического храма (ок. 690–650 гг. до н. э.).

Ценность проделанной работы К. Морган заключается в приведении неопровержимых свидетельств того, что многие устоявшиеся точки зрения требуют пересмотра ввиду введения в научный оборот новых данных. Рецензируемый том по охвату поставленных и решаемых проблем выходит далеко за рамки обычной публикации материалов одного конкретного археологического памятника и может служить образцом комплексного подхода с применением сравнительно-исторического метода. К. Морган на основании исследования всего комплекса находок в Истмии смело ставит перед собой наиболее дискутируемые в исторической науке проблемы (континуитета – дисконтинуитета) и предлагает свои аргументированные решения на основе изученного материала. Данная работа представляет непосредственный интерес как для профессиональных археологов, занимающихся изучением керамики, идентификацией археологических памятников, теоретической археологией, так и для историков, изучающих вопросы культа и религии в эпоху раннего железного века.

Е.И. Соломатина

---

⁵ *Salmon J.B.* *Wealthy Corinth. A History of the City to 338 D.C.* Oxf., 1984. P. 63–65.